

Вадим Пряхин

История в лицах: портреты в стихах

Вадим Пряхин

**История в лицах:
портреты в стихах**

«Издательские решения»

Пряхин В.

История в лицах: портреты в стихах / В. Пряхин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851058-8

Автор этой книги на протяжении многих лет занимается составлением литературных портретов знаменитостей всех времён и народов. В данном издании представлено более 500 персоналий. Задача — познакомить читателя с великими и знаменитыми людьми, проявившими себя в самых разных областях (наука, литература, политика, изобретательство, военное дело, искусство). Книга призвана помочь молодёжи при выборе профессии и становлении личности, чтобы приносить обществу в дальнейшем максимальную пользу.

ISBN 978-5-44-851058-8

© Пряхин В.
© Издательские решения

Содержание

Дуче	9
Поэт-партизан	10
Освободителю	11
Имидж и жизнь	12
Бесстрашный полярник	13
Искусство превыше всего	14
Что отдам?	15
Символ страсти и любви	16
Несгибаемый патриот	17
Философ и романтик	18
Жизнелюб	19
Взгляд через зал...	20
Преобразователь	21
Телохранительница	22
Мастер-скиталец	23
Эстафета	24
Барбаре браво!	25
Первому классику	26
Любитель плётки для женщин	27
Секс-символ Америки	28
Хранитель русских рубежей	29
Под ударами судьбы	30
Сила духа	31
Любимец короля и женщин	32
Неудержимый	33
Памяти Влада Листьева	34
Приобщение к искусству	35
Разговор на учебно-научные темы	36
Воитель	37
Народному кумиру	38
Кинотрудоголик века	39
Ночная супермодель будущего	40
Этюд о влюблённых	41
Любовные уловки	42
Позавидовал...	43
Ошибка гения	44
Кладезь духовных переживаний	45
В суровом мире противоречий	46
Пленник красоты	47
Ученик и наставник	48
Подарок человечеству	49
Не приглянулся...	50
Певец секса и смерти	51
Самый первый	52
Либеральный сердцеед	53
Хочу – могу?!	54

Педагог-изобретатель	55
Несравненный ленивец	56
Любитель тайн, интриг и женщин	57
Красивая слишком!	58
Изобретателю	59
Последнему монарху	60
Сатирик и чтец	61
Любителю самоуничжений	62
Во сне	63
Целомудренный любовник	64
Обделённый судьбой	65
Народному барду	66
Крестьянский поэт	67
Его актив	68
Яростный любовник	69
Вперёд смотрящий	70
Эталон	71
Борец с эпидемиями	72
Отринув славу и богатство	73
Страдальцу народному	74
Математик и поэт в душе	75
Старейшина физиологов мира	76
Богу технической химии	77
Отцу русской авиации	78
Главный конструктор	79
Российскому Леонардо	80
Аббревиатура мечты	81
Великому пророку	82
Пример неистовой любви	83
Вперед к устойчивому развитию!	84
Судьба	85
Окутанный тайной	86
Крестьянский лирик	87
Трибун революции	88
Певец натуры и быта	89
Апологет стихийного начала	90
Смелость дерзания	91
Буревестнику	92
Непревзойденный	93
Многострадальный гений	94
Глашатай справедливости	95
Хорош во всех жанрах	96
Ностальгия его сердца	97
В ожидании реинкарнации	98
Душевному и простому	99
Американец, русский и француз в одном лице	100
Ценитель красоты	101
Трагическая ошибка	102
Озорница	103

Идиллия	104
Радость и муки творчества	105
Вариации на тему любви	106
Триумф и трагедия	107
Президент-мученик	108
Неаполитанский самородок	109
Дин – это легенда!	110
Король Голливуда	111
Странная романистка	112
Превозмогший себя	113
Вариация мечты	114
Любимец Америки	115
Жизнь в борьбе	116
Великая	117
Джазовый виртуоз	118
Любимица молодёжи	119
Популяризатор науки	120
На стыке	121
Блистательный преемник	122
Любимец века	123
Чёрная жемчужина	124
Книжный червяк	125
Каучук из нефти	126
Певец неразделённой любви	127
Катализатор нашего века	128
Король динамики и кинематики	129
Юношеский обет	130
Покоритель времени	131
Человек слова и дела	132
Богатый, знаменитый и любимый	133
Борьба за выживание	134
Химик и лекарь	135
Скрипач от Бога	136
Это было когда-то...	137
Радость творчества	138
Добрый и мудрый	139
Верный друг в скорби и радости	140
Анархист-счастливец	141
Доктор занимательных наук	142
Борец за справедливость	143
Ответный рык!	144
Сердечное признание	145
Микро- и макрожизни человеческие	146
Всеми своё время	147
Ласка, юмор – это Божий дар!	148
Опять эти конкурсы!	149
Одна из её ролей	150
Прощание с наукой	151
Лучшему другу	152

Светлая память Наталии	153
Гидравлика – любовь моя!	154
Конец ознакомительного фрагмента.	155

История в лицах: портреты в стихах

Вадим Пряхин

© Вадим Пряхин, 2019

ISBN 978-5-4485-1058-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дуче

Посвящается Бенито Муссолини

Он с детства был кривляния артистом.
Не расставался ни на миг с ножом.
А богохульством маленького атеиста
Весь город был в то время поражён...
Был добровольцем Первой мировой.
Затем фашистов партию возглавил.
Толпа гудела, как пчелиный рой,
Когда он свой порядок славил.
Имел он также женский идеал —
Солидный торс, причём без запаха духов.
Когда очередную жертву резво раздевал,
Уже не слышал партизанский зов...
Всё утонуло в диком людском гаме,
Когда на древе был повешен вверх ногами...

Поэт-партизан

Посвящается Денису Васильевичу Давыдову

Поэт, прозаик, позже генерал,
Герой войны двенадцатого года,
Денис частенько объявлял аврал
Гусар отряду в битвах за свободу.
Имел он облик дюже азиатский:
Глаза искрятся, борода как смоль.
Брюшко имел, характер адский...
Отваги – уйма, страха – ноль!
Он ростом вроде бы не вышел.
И стих его весьма неприхотлив.
Однако всем народом был услышан!
А лик его: и ясен, и счастлив...
Запомнит Русь поэта-партизана —
С умом философа и ловкостью Тарзана!

Освободителю

Посвящается Симону Боливару

Ребёнком потерял отца и маму.
Учился же всему у Бога и в миру...
Освободил Венесуэлу, Эквадор, Перу,
Колумбию, Боливию, Панаму...
Высок, красив и широко известен,
Ты одиночества совсем не выносил.
Любил компанию, вино и песни,
На женщин тратил слишком много сил...
А умер в нищете, забытый всеми —
Сразил-таки тебя туберкулёз.
Был изгнан даже из родной Венесуэлы.
Лишь твои дамы не скрывали горьких слёз...
Ведь с ними ты кружился в танце —
В Венесуэле, где громил колонизаторов-испанцев...

ИМИДЖ И ЖИЗНЬ

Посвящается Эрнесту Хемингуэю

Массу приключений (весь в заботе)
Ты всегда имел, лихой Эрнест...
На войне, рыбалке и охоте
Носил свой впечатлений крест.
Четыре раза был за жизнь женат.
Три сына у тебя мужами стали...
Был на фантазии любовные богат.
Однако всё же ты по жизни пуританин.
Либи́до – робкие, красивые блондинки.
Последняя жена – почти твой идеал!
Но всё же наслаждался флиртом диким.
И даже от любимой Мэри не скрывал...
Девиз твой: «Женщин я, конечно, знаю —
Таких проблем вам наплодят, что не до рая!»

Бесстрашный полярник

Посвящается Руало Амундсену

Прошёл ты морем от Гренландии к Аляске,
Причём впервые, покоря Антарктиду.
Переносил ты стойко жизни встряску —
Всегда казался бодрым и спокойным с виду.
Узнав, что полюс Северный уж покорился Пири,
Открыл ты Южный раньше Скотта...
Все моряки дивились твоей силе,
А сделала тебя таким твоя работа!
Летал на дирижабле, гидроплане —
Спасал людей, как мог, идя на риск.
Гонял «Латам» свой в Ледовитом океане.
Однако слышен был уже печальный чаек писк...
Не рассчитал ты сил своих – исчез навеки,
Но будем помнить о тебе как о великом человеке!

Искусство превыше всего

Посвящается Рембрандту ван Рейну

О Нидерландов маленьких великий сын!
Всё трепетное в нежном чувстве
Ты на полотна ревностно переносил,
Считая, что женат ты на искусстве...
Сын мельника невестушке богатой
В знак благодарности полотна посвящал,
Картинами за состояние её была расплата,
А позже на кладбище навещал...
В молодые годы ты считался мотом
И в шестьдесят объявлен был банкротом...
Ты в жизни не был рыцарем для женщин,
Но на картинах, как богинь, изображал.
Тела прекрасны – чувственны и нежны,
А взгляд ласкает или ранит, как кинжал!

Что отдам?

Посвящается Игорю Владимировичу Старыгину

Чем интересен гороскоп для Раков?
Не увлекаться слишком пивом.
И вредно кушать много сливы.
Не лезть в бутылку или в драку...
Но нарушать пришлось сии советы:
И пиво пил, и сливы много ел.
За драку чуть в тюрьму не сел,
Недавно было – прошлым летом...
Я был в душе всегда бездельник.
И лень мешала мне войти во храм.
Но вот решил – кончать бедлам!
Возможно, в первый понедельник.
И если надо, всё другим отдам —
Всё, кроме совести и денег...

Символ страсти и любви

Посвящается Памеле Андерсон

Памела, нет тебе альтернативы!
Ты красотой ошеломила всю планету.
И светлой радости весенние мотивы
Всё заливают тёплым нежным светом...
Миллионы глаз тебя ласкают,
Ловя мгновенья кайфа на экранах.
А в мыслях каждый страстно обнимает,
Забыв на время о других сердечных ранах.
Затмила ты уже великую Монро —
Секс-символом Вселенной стала...
Попытки будут, может быть, но всё равно
Никто тебя не свергнет с пьедестала!
Ведь сверхпрекрасный тебе Богом облик дан —
Великолепна ты, как Тихий океан!

Несгибаемый патриот

Посвящается Геннадию Андреевичу Зюганову

За правду народную истый борец,
Он стойко давление СМИ переносит.
Готовит хапугам он светлый конец.
Бандиты пусть ноги уносят!
Мечтал, конечно, каждый реформатор
В гроб коммунизма гвоздь забить.
В атаку шёл, как гладиатор...
Не вышло; остаётся слёзы лить.
Живучи оказались идеалы
В глубинах нашего народа...
Разборкам, обнищанию, скандалам
Не хочет декламировать Геннадий оды.
Безбедно должен жить простой народ,
А потому – и за Зюгановым идёт!

Философ и романтик

Посвящается Жан-Жаку Руссо

Он и политик, и философ, и романтик...
Его речам внимал безмолвно зал.
В литературе и искусстве романтизма бантик
На очень многих судьбах завязал...
Он восхищал Жорж Санд и Льва Толстого.
Чудовищем считал его Вольтер.
И скольким поколениям снова и снова
Вселял он страх иль подавал пример!
Жан-Жак был вспыльчив и меланхоличен.
Мечтал от женщин получать шлепки.
Причём к молоденьким был безразличен —
Дни его секса были нележки...
Однако сын женеvского часовщика
Прославил своё имя точно на века!

Жизнелюб

Посвящается Питеру Паулю Рубенсу

Создал три тысячи больших картин...
Как правило, на них нагие дамы.
Пожалуй, в мире только ты один
Так их писал, чтоб стали идеалом!
Столь пышные, цветущие блондинки,
Готовые потупить голубые очи
Перед певцом, поющим под сурдинку.
И в ожиданье тёплой летней ночи...
Женился дважды, в результате восемь деток
Любовь вселяли в гениального отца.
Душой и баловнем был света —
Он признавал и поощрял сего творца.
В пятьдесят три года был женат на... девушке Елене.
С неё полотна создавал, даря грядущим поколениям!..

Взгляд через зал...

Посвящается Али Хану

Он по наследству – мусульманский лидер.
Любил автомобили, женщин, скакунов...
Он через зал огромный сразу жертву видел.
И чувства проявлял без лишних слов.
Владел арабским, и английским, и французским.
Ходил во фраке чёрном и немного узком.
Он автогонщик, фермер и охотник...
Но главное, он – пламенный любовник!
Шатенки, брюнетки и даже блондинки
Всегда считали за большую честь,
В бокал двумя пальцами бросив льдинку,
К великому Хану в постельку залезть...
И хоть водитель он от Бога, профи,
Погиб он всё же в автокатастрофе...

Преобразователь

Посвящается Петру I

Ты от природы волевой и властный.
Измену женщин не умел прощать.
И пламя бурной и сердечной страсти,
В душе родившись не напрасно,
Вмиг отметая любые напасти,
Тебя любило часто посещать.
Лишь думы о могуществе России
Тебя обременяли, весел был иль зол...
И сколько б о пощаде ни просили,
Изменников и казнокрадов ты сажал на кол.
А изумлённая Европа наблюдала,
Как ты крушил бояров идеалы...
Пока роятся в голове мыслишки или мысли,
Мы помним, Пётр был велик в прямом и переносном смысле!

Телохранительница

Посвящается Борису Абрамовичу Березовскому

Знавал я множество амбалов —
Плечистых и крутых парней...
Однако слов и мыслей будет мало,
Чтоб очень кратко рассказать о ней.
Её походка плавна, величава.
Она не тратит лишних слов,
Ей ни к чему чужая слава,
Но каждый перл телохранительницы нов.
При росте метр (с кепкой) пятьдесят
И массе тела двести килограмм
Налита силою она от головы до пят.
Из лексикона её убран всякий хлам.
Имея под рукой такую статью,
Наш олигарх спокойно будет спать!

Мастер-скиталец

Посвящается Полю Гогену

Из Франции мальчишкой ты попал в Перу.
Там видел много женщин обнажённых:
«Я буду их писать, пока что не умру!»
И создавал шедевр, как в небесах рождённый.
Ты в хижине жил долго на Таити
И женщинами вволю наслаждался.
Писал картины, в общем, по наитию,
Пока очередной шедевр не рождался.
Ходил больной, бывал и бит...
А ноги сильно язвами поражены...
Ты не был ни тепло одет, ни сыт!
Ушёл от пятерых детей и от жены.
Ты непреклонно верен был мечте
Разбогатеть; но всё же умер в нищете...

Эстафета

Вместо автобиографии

Ах, век двадцатый, сколько ты принёс
Нам бед, и радостей, и злоключений...
Кому-то выложил ковёр из алых роз,
А многим – только горестные приключения...
Ну что же о себе сказать?
Ни благ, ни ценностей из недр не вынул,
Похоронил давно отца и мать
И неудачно эстафету принял...
И всё ж я тоже белый человек!
А потому (не будем строги к фразе),
Вступая смело в двадцать первый век
(Ах, Боже, как бегут года!),
Мне тоже хочется сидеть хоть иногда
На заграничном белом унитазе!

Барбаре браво!

Посвящается Барбаре Брыльской

Барбара Брыльска, вы прекрасная актриса!
В «Иронии...» играли, той, что «с лёгким паром».
Могли подняться вы в заоблачные выси...
Однако всё же на земле владели редким даром.
Судьба бывала с вами беспощадна—
Ведь ваша дочь трагически погибла...
Хвалили и ругали вас площадно,
Но слава и хула с пути не сшибли...
Вы выстояли всё же – не сдались!
И продолжаете (да ещё как!) играть.
И помня, что актриса вы и мать,
За счастье сына вы без устали дрались...
И Польша будет вами благодарная гордиться,
Дабы искусству вашему и Русь могла дивиться!

Первому классику

Посвящается Михаилу Ивановичу Глинке

Он – первый музыкальный пионер,
Который классиком музыки признан в мире.
И лишний раз тому напоминанье и пример,
Когда его «Руслан...» звучит в эфире!
Он – корень русской сущности народа,
Боровшегося вечно за свободу.
Он радость жизни воспевал и справедливость,
Добившись в этом совершенства.
И слушаем, как Божью милость,
Его «Сусанина» мы, испытав блаженство...
Развитие его идеи быстро получили
В деяньях славных русских музыкантов.
И мощный, яркий всплеск его почина
Толчок дал множеству Отечества талантов!

Любитель плётки для женщин

Посвящается маркизу Франсуа де Саду

Молодой маркиз, красивый и развратный —
Донатьен Альфонс де Сад,
Отсидев двенадцать лет, обратно
Возвратиться в замок свой был рад...
Франсуа, сидевши за решёткой,
Там зря время точно не терял —
Проявив характер весьма кроткий,
Он писаниной пыл свой усмирал...
Позже был объявлен сумасшедшим —
В Шарантоне в психбольницу помещён.
И до смертушки, с косою пришедшей,
Так и не был жертвами прощён.
Патологично плеть любил садист.
И с упоеньем слушал её свист!..

Секс-символ Америки

Посвящается Мэрилин Монро

Целых три года провела она в приютах,
Ведь мать попала в психбольницу.
Дни потекли в мытарствах лютых...
Потом продюсеры тянулись вереницей,
Менялись каждый раз партнёров лица...
Фотомодели, тебе было всё равно —
Иль оставаться Нормой, или стать Монро.
Ты в двадцать лет, шатенка от природы,
Стала блондинкой публике в угоду!
А далее жила на грани фола
Ты со звездой американского бейсбола,
И с драматургом, и певцом, и президентом...
Но став секс-бомбой слабенького пола,
Всё ж не успела завершить «секс-люб-эксперименты»...

Хранитель русских рубежей

Посвящается Александру Невскому

Аж в двадцать лет разбил впервые шведов,
Приставших к берегу Невы...
И ратной доблести изведав,
Он крестоносцев побеждать привык...
Но вот псы-рыцари уж овладели Псковом,
И Новгороду стали угрожать.
Князь Невский, с обликом суровым,
Стал спешно снова войско собирать...
К Чудскому озеру он вывел войско,
А конницу оставил он в резерве.
Как только сдали крестоносцев нервы,
Уж охватил свинью манёвром броским...
Слезами отлилась плата за зверства
Псам-рыцарям, спасались кои бегством!

Под ударами судьбы

Посвящается Айседоре Дункан

Да, публика тебя боготворила
В Берлине, Вене и Нью-Йорке...
Толпа несла тебя и исступлённо выла,
А опустила после танца на цветочной горке.
Ты выступала за свободную любовь...
И отдавалась ей всецело, без остатка:
Партнёров ты меняла вновь и вновь,
Чтоб уяснить, насколько любовь сладка!
Судьбой был нанесён тебе удар —
Машина в Сену вдруг сползла,
А в ней сидели твои дети...
И после новых сцен и грязных свар,
Хоть ты и не копила в сердце зла,
Добили всё ж тебя несчастья эти...

Сила духа

Посвящается Олегу Ивановичу Далю

Есть перепады в жизни нашей,
Когда прижмёт Судьба к стене...
Но есть моменты, коих краше
Не выдумать: они идут откуда-то извне...
И ради вот таких моментов
Готов наш слабый, нежный человек
Терпеть судьбы эксперименты
Весь свой, как миг, короткий век...
Ему бандиты злобно угрожают
И обещают в землю закопать!
А он гостей на даче угощает
И поздравляет с днём рожденья мать...
Но если жизнь отправила в нокдаун,
Оправиться он сможет и без саун!..

Любимец короля и женщин

Посвящается Рихарду Вагнеру

И музыку писал ты, и либретто.
Был даже первоклассным дирижёром.
И требовал признания за это...
А позже стал заядлым ухажёром.
Большую голову имел, голубоглаз и сдержан.
Любил комфорт, наряды, лесть и тишину...
Был также расточительству подвержен.
И женщин уважал (конечно, не одну) —
Их список был всё время нов.
Однако сам ты не терпел ничьих оков...
Ты был любимцем короля Луи Второго.
Он называл тебя «любовь моей души»...
Жена, фон Бюлов, дама сердца золотого
Считала, в паре вы безумно хороши!

Неудержимый

Посвящается Оноре де Бальзаку

Ты клятву дал, на чердаке закрывшись,
Всемирно известным писателем стать.
И ты сидел там, в рукопись зарывшись,
Пока не начал твой талант блистать!
Ты к цели шёл уверенно и смело.
Наполеоном стал-таки в литературе.
Со страстью выполнял любое дело,
Что было свойственно твоей натуре.
Ты начинал работать поздно иногда —
Как правило, среди полночи.
На кофе отвлекаясь лишь тогда,
Когда уже смежались твои очи...
Как на накрытый стол, смотрел на дам,
С которыми ты находился возле.
Им говорил: «Я вам, поверьте, всё отдам:
Часть до еды, но остальное... после!»

Памяти Влада Листьева

Посвящается Владиславу Николаевичу Листьеву

(намеренно более 14 строк!)
Ты был красив, талантлив и умён —
Властитель пылких душ телеэкрана.
И зал, как правило, был покорён
Силой ума очень большого плана...
Настали для России времена,
Когда и президент бессилён.
Претерпевала смуту вся страна —
Клан мафии значительно усилен.
Сидят уверенно на денежных мешках,
Планируя свои коварные убийства.
А власти, видимо, в таких тисках,
Что констатируют лишь каждый выстрел.
Законодатели давно молчат смущённо,
Не в силах мафиози приструнить.
Потупив взор свой, отрешённо
Фемида выпустила правосудья нить...
Когда же пробудится наш народ
И власть чиновничью к ответу призовет?

Приобщение к искусству

Посвящается Борису Минжилкиеву

Узнал впервые про её гастроли
В провинциальном тихом городке.
Прекрасно помнил мальчик её роли —
Привязан был, как пёс на поводке.
Её боготворил на сцене и экране.
Но завтра он её увидит наяву —
И грудь её откроет в сердце рану,
Но силы даст остаться на плаву...
Однако вот уже у самой сцены он
И пожирал глазами её грудь.
Не понимал, что красоту создал ей силикон.
Не знай об этом – счастлив пока будь!..
И он держал в ручонках тонких розу,
Не чувствуя подвоха и шипов занозу...

Разговор на учебно-научные темы

Посвящается Наталье Эдуардовне Андрейченко

В салон вошли две молодухи —
Автобус как бы светом озарили.
Прислушался я к ним вполуха —
Каскадом сплетен сразу одарили:
«Вчера пришла я в институт
И заглянула на совет учёный —
Профессора, доценты там и тут.
Ну, в общем, коллектив сплочённый...
Проректор как меня увидел,
Тотчас подал условный знак.
Какого-то декана там обидел,
Ну и ко мне (каков простак!)»...
«А я на коечке (ты помнишь, у серванта?)
Азам амурным обучала аспиранта»...

Воитель

Посвящается Владимиру Вольфовичу Жириновскому

Он и юрист, и литератор, и пророк...
Он, не жалея сил, работает в толпе.
Он преподавал нам всем большой урок
И стал известен сразу всей стране.
Он, как никто, находит нужные слова,
Когда несёт в народ свою программу.
И даже может, как гласит молва,
Растрогать аж до слёз любого папу или маму...
Непредсказуем он, и, может, потому,
Анализ делая его возвышенным речам,
Нам нелегко довериться ему,
Не зная точно, где ж его причал...
Но знаем точно – он весьма силен.
И потому признания достоин он!

Народному кумиру

Посвящается Владимиру Ильичу Ленину

Он бросил народу уверенный клич —
Поднял крестьян и пролетариев...
Что в результате сотворил Ильич,
Оставим мы без комментариев...
Он видел там, где не видно ни зги.
И массы шли за ним куда угодно.
Авторитет его признали и враги,
Не говоря уж о любви народной...
Но эстафета, видно, перешла
Совсем не в те, что надо, руки.
А часть посевов явно не взошла,
И некого теперь брать на поруки,
За всё, что сделать предлагал Ильич,
Когда бросал он всенародный клич!

Кинотрудоголик века

Посвящается Чарльзу Спенсеру Чаплину

Чарльз Спенсер, ты король кино немого.
Но и актёр, продюсер, режиссёр...
Смешил людей, не вымолвив ни слова.
И мастером бывал любовных ссор.
В могуществе своём был убеждён
И даже в рыцарское званье возведён.
Ты на экране великанов избивал,
Хоть от природы хил и ростом мал...
Отец твой был простой алкаш,
А мать лечилась часто в психбольницах.
Вот почему ты, как любимый комик наш,
Легко так выступал в различных лицах.
Ты точно выстрадал заслуженный успех —
Талантом юмора очаровал нас всех!

Ночная супермодель будущего

Посвящается Матильде Бумс

Без паники, толстуха Мотя!
Куда же вы так шибко прёте?
А лифчик свой снимите в том углу...
С такими мячиками, тётя,
И с этим носом в развороте
Вы пробудить сможете и скалу...
Вы так великолепны, Мотя!
А особенно ваш животик,
Что в краску вы вогнали всё жюри...
На конкурсе вы победили, тётя!
И своим сладким шармом, Мотя,
Вы у мужчин перевернули всё внутри...
Ваш образ сразу эталоном стал,
Как своей массой проломил пьедестал!

ЭТЮД О ВЛЮБЛЁННЫХ

Посвящается Эмилю Теодоровичу Кио (отцу)

Жили-были три девицы
И кадрилились вместе:
Трое причупоривали лица,
Кучились, как куры на насесте...
Одна из них была худая
И часто, голову склоня,
Над фото милого рыдала,
Молилася, судьбу свою кляня...
Другая – салом сильно заплыла
И, коротая день-деньской,
На койку сразу двух звала,
Переменяя смех с тоской...
А третья – ни худа, ни полна —
За них купалась в истой страсти волнах!

Любовные уловки

Посвящается Жан-Полю Бельмондо

Как-то раз пошёл в кино,
А в нём увидел Бельмондо.
Всегда любил актёра, но
Любить ведь можно тоже до...
Определённого предела!
Хотя сегодня, как всегда,
Жан не сидел без дела...
И прыть развил не по годам:
Любовницу, представьте, выдал за...
Дочь свою, сказав жене:
«Нам от дитя обоим польза —
Опорой будет в старости тебе и мне»...
Актёра любим мы – не роль,
Хотя и причинил он сердцу боль...

Позавидовал...

Посвящается Станиславу Андреевичу Любину

Малыш всегда завидовал собаке.
Бывало, и кошке завидовал тоже.
И если нет меж ними драки,
То образ жизни у них схожий:
Хозяйка кормит, иногда ласкает,
На сон спокойный тоже время есть,
Мурлычет часто кошка, а собака лает.
Хозяйка ж крутится – ей некогда присесть.
Но не спеши завидовать сим братьям меньшим!
Вдруг у хозяйки изменилось настроенье —
Животные остались не поевши.
И не спросила женщина их мненья...
Пока ты мал и слаб, ты слушаешь команды.
И если повезёт, то ешь икру, а если нет – баланду...

Ошибка гения

Посвящается Хансу Кристиану Андерсену

Ханс Кристиан, ты сказочник великий.
И ростом был большой, но неуклюж...
А по природе – ласковый, но дикий.
И только в сказках ты – властитель душ!
Но, кроме творчества, ведь есть любовь...
И ты старался ключ найти заветный —
Знакомиться пытался вновь и вновь.
Однако чувство оставалось безответным...
Ты дам боготворил и воспевал
И порывался им совет дать дельный.
Но ни одну сразить не смог ты наповал,
Хоть и считал, что любишь беспредельно...
Видать, ты волшебное слово забыл
И полюбить совсем уж нету сил...

Кладезь духовных переживаний

Посвящается Иоганну Себастьяну Баху

Детей в семействе Бахов – два десятка!
И девять пережили своего отца.
А музыкантов генетическая хватка
Ввела в историю четыре баховских лица!
Бах Иоганн – прекрасный семьянин.
А в мастерстве придерживался плана —
Освоил в совершенстве альт и клавесин,
Владел к тому же скрипкой и органом...
Сюиты пишет, пьесы и кантаты.
Речитативы, арии, очередной хорал...
Его таланты в том, что успеваешь, виноваты
И ежедневный каторжный аврал...
Процесс по изучению Баха бесконечен,
А музыкальный кладезь его – вечен!

В суровом мире противоречий

Посвящается Винсенту ван Гогу

Работая в Гааге, Лондоне, Париже
Священником и продавцом картин,
Из всех художников по рангу был всех ниже.
И помогал тебе лишь брат родной один...
Ты продал лишь одну свою картину
И в психбольнице пробыл год.
Был щёголем; но нищенства терпел рутину.
А голова склонялась от лихих невзгод.
Следил, как забавляются коллеги,
На секс растрчивая свой талант,
Теряют силу в чарах женской неги
И гробят часто лучший вариант...
Не смог ты постоянной спутницы найти —
Лишь проститутки были на твоём пути...

Пленник красоты

Посвящается Франсиско де Гойя

Он в сорок шесть был поражён недугом:
И слепота, и слабость, странный шум.
Причина – сифилис его стал другом...
Собравшись, взялся Гойя всё ж за ум!
Почётным директором избран он был,
Хоть и глухим остался до конца.
И кисть свою наш гений не забыл,
А герцогиню Альбу выбрал для венца.
На гобелене без одежды маха.
Она и сладострастна, и нежна.
В полёте мысли живописца и в размахе
Первопричина обнажённости важна:
Чтоб знали как спецы, так и невежды —
Прекрасна Альба и в мехах, и без одежды!

Ученик и наставник

*Посвящается Николаю Андреевичу
Римскому-Корсакову*

Став композитором без музыкальной подготовки,
Он неустанно и смущённо повторял:
«В консерваторию пока ходить неловко»...
И у Балакирева он учиться стал.
Кружок его «Могучей кучкой» назывался.
В нём Мусоргский, Кюи и Бородин...
С друзьями Николай обычно расставался,
Как в кругосветку собирался —
Морской устав для всех един!
А в море без опеки был – один...
Преподавал затем он сорок лет
И подготовил композиторов две сотни.
Благоговейно слушали его совет
Стравинский, Глазунов, Прокофьев!..

Подарок человечеству

Посвящается Александру Степановичу Попову

Попов – наш светоч, наш герой!
Он поразил народы мира.
Ведь личность светлая его
Нам радость звука подарила.
Без радио никто не сможет
Неделю, день прожить нормально...
Из всех идей, которые наука множит,
Его идея оказалась оптимальной!
И снова прославив Россию навеки,
Он закрепил её приоритет.
Ещё сильнее сделал человека.
И от него он получил любви патент!
Ведь принимает речь и музыку эфир —
Радио слушает весь многоликий мир!

Не приглянулся...

Посвящается Бюде Чернецу

Он письма получал из-за границы...
Корреспонденция лавиной шла.
И в офисе весь день мелькали лица,
Пока беда-злодейка не пришла.
Он слишком часто рисковал...
И честь, и жизнь ставил на кон!
И лишь насмешек град врагам адресовал,
Пока однажды вдруг не преступил закон —
Он за аренду долго не платил.
Не избегал и грязных свар...
За офис же держался из последних сил,
Пока домишко не слизал пожар.
Видать, не очень приглянулся он...
Куда ж теперь письмо опустит почтальон?

Певец секса и смерти

Посвящается Габриэлю Д'Аннунцио

Единственный сын богатого мэра
Слагал стихи, но перешел на прозу...
Для дам был эталоном и примером.
Мечтали получить они от Габриэля розу...
В войну ты летчиком был – асом.
А позже реалистом стал в литературе.
И как любовник первоклассный
Пытался не чинить преград своей натуре...
А в результате – в двадцать три был лыс,
Но женщин редко ты жалел.
И ёрзал перед ними, словно лис,
Но добивался всё ж чего хотел...
Когда писал последний свой памфлет,
Удар сердечный с ног свалил на склоне лет...

Самый первый

Посвящается Юрию Алексеевичу Гагарину

«Поехали!» – перед полетом он сказал,
Взмывая ввысь в космической ракете.
И вскоре яркий звездный зал
На темном небе он увидел в нежном свете.
И голубую Землю сверху наблюдал —
Он закреплял приоритет России.
Надежду в сердце нам вселял,
Что будем жить под мирным небом синим...
Под гром и ликование разных наций,
Встречавших коммуниста-космонавта,
Он принимал букеты и овации
После свершения космического акта.
Ушел из жизни космонавт номер один...
Однако множество полетов впереди!

Либеральный сердцеед

Посвящается Александру II

Ты сбросил крепостное право
И либералом, в общем-то, прослыл.
Реформы проводил умеренные здраво
И внешне привлекательным ты был.
Прабабушкой была Великая Екатерина,
А ты был слабовольным баловнем невинным
Судьбы своей; высок и строен,
Голубоглаз и рот красиво скроен...
Советы женщин ты испрашивал несмело:
У тётушки, любовницы и жены.
Семь раз тебя убить хотели —
Любителя балов и спален тишины.
И хоть Эроса ты был профи-коллекционер,
Убил тебя теракта любви-революционер...

Хочу – могу?!

Посвящается Андрею Александровичу Миронову

Хочу чего-то – значит, я могу!
Так в идеале быть должно.
Любое дело, в принципе, важно.
И от любой напасти я сбегу...
Мой ум – мой главный инструмент.
Он напряжён, когда я загнан в угол.
Угрозой жизни если я напуган,
Вопрос будет решен в один момент!
Но вот поставил меркантильную задачу —
Разбогатеть и в деньгах не нуждаться...
Но до сих пор я не могу дождаться,
Чтобы сбылась моя мечта...
Ах, эта кажущаяся простота!
И только в грезах вижу я машину или дачу...

Педагог-изобретатель

Посвящается Александру Грэму Беллу

Ты подарил народам телефон
И тем прославился навеки.
Ни на кого не повышал ты тон,
Поесть любил – был полным человеком.
Глухонемых учил ты говорить.
И счастлив был, как приходил успех.
Ни разу не порвал учебы нить —
Хватало знаний и тепла на всех.
Работал ты обычно по ночам,
Жену сводя с ума своей привычкой.
А утро сонным и разбитым ты встречал
И быстро делал детям перекличку:
Двум мальчикам и дочкам двум —
Тренировал живой и светлый ум...

Несравненный ленивец

Посвящается Джоаккино Россини

Мать Джоаккино и работала и пела...
А мальчику передала любовь
И к музыке, и женщин телу,
Чтоб воспевал он нежность вновь и вновь!
Он быстро приобрел известность —
За десять лет аж тридцать опер написал!
Но иногда он допускал и леность.
Причём, как мог, себя спасал...
Так, если сочинял в постели,
И на пол с арией упал листок,
То, повернувшись на бок еле-еле,
Он дирижерской палочкой махнет едва —
Уж новой арии расцвёл росток,
Дабы музыка вскоре перешла в слова!..

Любитель тайн, интриг и женщин

Посвящается Виктору Гюго

Обычно спал часа четыре...
И стоя создавал свои шедевры.
Он обладал здоровьем лучшим в мире
И хвастал, что имел стальные нервы.
Девиз крылатый: «Я – Гюго!» —
На стенах дома начертал...
Убогим, нищим, не жалея ничего,
Он добровольным защитником стал.
И был любимцем женщин до конца,
Принадлежал к сословию пэров.
Не изменил Гюго и выражения лица,
Когда внучок, глазам не веря,
Услышал: «Жоржик, не забудь,
Как дед ласкал служанки юной грудь»...

Красивая слишком!

Посвящается Алле Дмитриевне Ларионовой

Ты слишком красива,
Поверь мне, родная...
Позволь же учтиво
Открыть Врата Рая!
Войдешь ты богиней
В небесные своды.
И счастья путь длинный
Узреют народы...
И встретят молитвой
Тебя, дорогая.
И радости светлой
Конца нет и края...
И будешь, возможно, тогда ты довольна,
Как вырвется стон у толпы изумленной!

Изобретателю

Посвящается Томасу Алва Эдисону

В семье голландских эмигрантов
Родился мальчик – Алва Эдисон.
Но прежде чем успел развить таланты,
Трудился так, что забывал про сон!
В двенадцать лет он разносил газеты.
Затем служил телеграфистом.
Он мизерную плату получал за это,
А развлекался только свистом...
Но набирал изобретатель обороты,
Отбросив, кроме техники, заботы.
Фонограф изобрел, и счётчик, и предохранитель,
Патрон и лампочку (прекрасный свечки заменитель)...
А выйдя на конечную дистанцию,
Для общей пользы он создал электростанцию!

Последнему монарху

Посвящается Фаруку I

Египтом править начал с юных лет.
Держаться захотел ты светлых идеалов.
Однако романтический завет
Растоптан был тобой в хмельных подвалах.
Обжорство и распутство много раз
Тобою выставлялись напоказ...
Ты был жесток, но и сентиментален.
А бегством из Египта опечален.
Ты kleптомании подвержен был
И лишь в объятых дев младых
Растрчивал свой мнимый пыл —
Ибо никак не мог насытить их...
От ожиренья перестал владеть моментом
И в двадцать стал почти что импотентом...

Сатирик и чтец

Посвящается Чарльзу Диккенсу

Сатирик и чтец ты искусный, о Чарльз!
Ты публику сводил с ума.
Не ослабляя блеска своих глаз —
Тебе от Бога сила магии дана...
Супруге Кейт ты строго приказал
Рожать детей (в итоге – ровно десять).
А сам ходил в кафе, бильярдный зал.
И смокинг ты велел в чулан повесить...
Тыщ десять писем смог ты написать
И с легкостью влюблял в себя корреспонденток.
К примеру, тебе было сорок пять,
А Эллен Тернан восемнадцать где-то...
Но вот ты, сделав всё и подтянув порточки,
Уверенной рукой поставил жирно точку!

Любителю самоуничижений

Посвящается Джеймсу Джойсу

На мосту через реку вышла потасовка —
Кодла по пьянке на деву напала.
Но вскорости драться охота отпала:
Уж очень зубы та дробила ловко.
Один с испугу нырнул в реку.
Другому – на колени пасть велит.
Двоих скрутила (как радикулит).
А этот сдуру аж закукарекал...
«Но как же так?» – возможно, спросим.
«Ведь дева должна быть нежна и слаба,
Да беззащитна, раз она одна...»
Но не ищи ответа в книге,
Пока в башке начнутся сдвиги...
Просто дева та – пудов на восемь!

Во сне

Посвящается Ванге (Вангелии Пандевои-Гуцеровой)

Вот сон смежает мои очи,
И должен я определить,
Куда душа пуститься хочет:
Иль прошлого нить раскрутить,
Или остаться в настоящем,
Иль подсмотреть, что ждет меня,
Когда уже сыграю в ящик, —
В какие устремиться ей края?..
Настроиться я должен быстро,
Расслабив тело до предела,
Чтобы лететь душе со свистом
И точно сделать свое дело...
Проснувшись после этой медитации,
Я передам в стихах всю информацию!

Целомудренный любовник

Посвящается Льюису Кэрроллу

У Кэрролла аж семь сестер,
Но также было трое братьев...
Язык писателя бывал остёр —
Ведь он к тому же дьяк и математик.
Безумно он любил детей,
Для них готовя свои сказки.
Питались детки ворохом вестей,
Закрывши часто свои глазки...
Фотографировать любил девчушек,
Однако только до десятка лет.
И органически не переваривал грязнушек,
Чистюлям посылая девственный привет.
Десяткам маленьких красивеньких подружек
Лишь в сказках Льюис, словно дамам, служит...

Обделённый судьбой

Посвящается Вольфгангу Амадею Моцарту

Ты в пять лет начал сочинять
Бесценные свои шедевры.
А прожил ровно тридцать пять.
Ведь жизнь твоя – сплошные нервы!
Играл на скрипке, клавесине и органе.
Давал уроки и боролся с нищетой.
С болезнями столкнулся рано —
Никак не мог ты обрести покой...
Похоронили гения в могиле
Для нищих и бездомных бедолаг.
Нет равного тебе по музыкальной силе,
Но как же мало получал при жизни благ!
Ты был мал ростом, неказистый, но велик.
Тому причина – несравненный музыкальный лик!

Народному барду

Посвящается Владимиру Семёновичу Высоцкому

Любимец толпы и простого народа
Снимался в кино и певал хрипловато.
Казалось нам тогда, что это только мода.
А кое-кто и уши заткнул ватой...
Но вот ушел певец – сгорел в работе,
Последних нот своих не дотянул.
И словно птица, пулю получившая в полете,
В своем таланте незабвенном утонул...
Нам не хватает, Володя, тебя!
Прости – не понят был при жизни.
И на Ваганьково цветы кладем, тебя любя.
Как следует ты послужил своей Отчизне!
Тебя мы ценим нарастающим итогом...
За то, что жил ты, славим Бога!

Крестьянский поэт

Посвящается Роберту Бёрнсу

Всегда, как сокол, устремленный ввысь,
В поэзии, как и в любви, велик ты, спору нет!
Три дочки незаконно родились.
И каждую из них назвал Элизабет...
Ещё три дочери от Джин Амур.
Твоей красавицы-жены законной.
Но после этого стал Роберт хмур —
Работал целый день и ноченькой бессонной.
Ты собирал по деревням фольклор
И прозван сельским был поэтом.
Поддерживал, как мог, девичий хор
И целовал ты молодух при этом...
Мечтал всё образцовым семьянином стать,
Но не боялся и с чужой милашкой переспать!

Его актив

Посвящается Аристотелю Онассису

Родился в Турции Онассис, в Смирне,
И поменял почти десяток школ,
Ибо характером он обладал не смирным
И получал по поведению часто кол.
В шестнадцать лет бежал он от погрома,
Но чудом все ж добрался до Афин!
Там табаком он торговал, как дома.
Однако сердцу мил был только флот один.
Он в двадцать пять уж был миллионером...
А в Аргентине даже стал
Для мира бизнеса, причём всего, примером.
И золотой телец его поднял на пьедестал.
К тому ж любая женщина была счастлива
От его мощного природного актива...

Яростный любовник

Посвящается Джекю Лондону

В России Лондона давно читают,
Так как его борьба за выживание
(Концепцию его любой читатель знает)
Формировала философию сознания.
Голубоглазый, взбалмошный крепыш
С фигурой первоклассного атлета
Мог быть на время тихим, словно мышь,
Когда юбчонка показалась где-то...
Ужасно сына он хотел иметь.
Однако дочерей ему судьба давала...
И невозможно Джека в клетку запереть.
Как и нельзя от женщин избежать скандала!
Наркотики без меры принимал.
А в сорок наступил его финал...

Вперёд смотрящий

*Посвящается Святославу Николаевичу
Фёдорову*

Ты честно заслужил своим трудом
Любовь коллег, и уважение, и славу.
Лелея ревностно престиж державы,
Ты создавал свой Фёдоровский дом.
Клиентам зренье возвращаешь
(Сотрудники тебя боготворят)
И, напрочь отвергая лести яд,
Добра, здоровья всем желаешь.
Учиться ехали к тебе из-за границы.
Мелькали радостные пациентов лица...
Ты нас воистину на подвиг вдохновлял,
Когда глазные школы в регионах открывал.
И верить хочется, что твой МНТК
Работать будет многие века!

Эталон

Посвящается Беате Тышкевич

Как хочется хоть раз взглянуть,
Надежду в памяти храня,
На эталонную лепную грудь,
Которая в мечтах влечет меня...
Но что принять за эталон?
Какой размер сегодня идеален?
Вот бюст большой, эффектен он.
Особенно в полутьме спален...
А вот скромнее декольте —
Два яблочка на блюде.
Такой бюст воспевал Вольтер,
Вкус прививая людям...
Все догмы и стандарты – вон!
У каждого – свой эталон!

Борец с эпидемиями

Посвящается Сергею Петровичу Боткину

Сергей Петрович долго состоял
Аж в трех десятках разных учреждений!
Ученым-медиком и классным педагогом стал —
Отстаивал он правоту в потоке мнений.
Впервые в мире он открыл
Для женщин курсы высшие врачей.
В борьбе с холерой и чумой активен был —
Спасал людей от этих палачей...
Отцом он был двенадцати детей.
Ценил в семье слепое послушанье.
Хотя во время его жизни всей
Никто из деток не подвергся наказанию!
И молодым, и стариком безумно музыку любил.
В конце потише музыку просил, чтоб звук не утомил...

Отринув славу и богатство

Посвящается Андрею Тимофеевичу Болотову

Он прожил девяносто пять!
И семьдесят из них вел бой...
Передохнёт немного и опять
Свой груз везёт – не избалован он судьбой.
Писал пером гусиным при свечах,
Пока не меркнул вдохновенья свет в очах...
От службы окаянной он ловил моменты
И проводил на поле и в саду
Свои научные эксперименты,
Не забывая гимны петь тяжелому труду:
Он физик, и философ, и ботаник,
И драматург, и селекционер...
Неутомимый от науки к музе странник
Потомкам подавал он чудодейственный пример!

Страдальцу народному

Посвящается Даниилу Леонидовичу Андрееву

Достоинo продолжал ты, Даниил,
Традиции любимого отца.
И не жалел ты ни здоровья, ни сил,
Но так и не надел на голову венца...
Судьбой предписано закончить «Розу Мира»,
Скрывая рукопись от глаз чужих
В стенах подобия тюремного сортира,
И собирать по крохам каждый стих.
России будущее видел ты прекрасно.
И гениев расставил по местам.
А лик твой пламенный и ясный
Запомнится весьма надолго нам...
Побольше бы иметь таких талантов —
Стоять тогда России на плечах гигантов!

Математик и поэт в душе

Посвящается Софье Васильевне Ковалевской

Она смеялась в жизни, как ребенок.
Лицо краснело быстро и бледнело.
А голосок залиvist, нежно звонок...
И это не мешало её делу.
А дело – математика с литературой;
Причём за формулами Софья не скучала
И, познавая математики культуру,
Все Достоевского в мечтаньях мужем величала.
Профессора её способностями восхищались —
Часами делала она расчёты у стола.
С последним мужем, жаль, не обвенчалась —
Их смерть-злодейка всё же развела...
В России не нашла достойного признания она.
Зато во Франции и Швеции прославилась сполна!

Старейшина физиологов мира

Посвящается Ивану Петровичу Павлову

О Павлове составить можно полку книг...
Он худощав и быстр, немного хром.
Не мог быть безразличным хоть на миг —
Хозяин Колтушей, имевший там свой дом.
Он – величайший физиолог мира,
Но его мимику, глубокий голос
Не может передать поэта лира,
А мыслей его нить тонка, как волос...
Авторитет его воистину огромен!
Всю жизнь работал много – на износ.
Он был педант, но и предельно скромн —
Краснел за нерадивых до корней волос...
Однако требовал всегда единовластья:
Как в радости, так и в ненастье!

Богу технической химии

Посвящается Дмитрию Ивановичу Менделееву

Закон периодический открыт, и химия в расцвете.
Открыл закон духовный химии отец.
И величайшие открытия, законы эти
Родил российский патриот-мудрец.
С учительства начав российские занятия,
Он пожинал плоды своих трудов
В Берлине, Бостоне... имелись также братья,
Признавшие приоритет «Химических основ».
Здоровье было словно у калеки —
Врождённый досаждал туберкулёз.
Любовь к науке – лучший лекарь...
Ты всё преодолел почти без слёз.
Не подарил при этом ни секунды скуке.
Поэтому и стал отцом химической науки!

Отцу русской авиации

Посвящается Николаю Егоровичу Жуковскому

Он физику читал московским гимназисткам,
А позже математику в МВТУ блестяще,
Механику преподавал студентам прытким...
Так совмещал век прошлый с настоящим!
Он механизмы создавал, приборы
Для подготовки молодых учёных.
Не слушал кафедру оставить уговоры,
Учеников ровняя строй сплочённый...
С начала нашего космического века
Он мужественно, на пределе сил
Для многократных полётов человека
Эксперименты и расчёты проводил.
Он гений был теории и практики
И одинаково силен в стратегии и тактике!

Главный конструктор

Посвящается Сергею Павловичу Королеву

Он невысок, сутуловат, имеет исподлобья взгляд,
Который ищет как бы промахи и недочёты...
Однако он всегда был несказанно рад,
Когда сводил удачно с небом счёты!
Уходит в космос новая ракета —
Плод вдохновенья и решения задач...
И как найти слова удачные поэту,
Чтобы пустилось ликование вскачь?
Сегодня хмур и недоволен задержкой в исполненье дел,
Но завтра ищет выход и находит,
Не зная где, когда его предел...
А вот и новая идея уж приходит.
Он счастлив – хорошо идёт работа!
Ну а потом опять дела и новые глобальные заботы...

Российскому Леонардо

Посвящается Михаилу Васильевичу Ломоносову

Стоит в Москве уж много лет,
Напоминая о его величье,
Васильича Михайлы Университет,
В красивом и гордом обличье
Он физик, литератор и механик,
И химик он, и астроном...
Он патриот науки и небес посланник,
Всего добившийся своим трудом!
Вынашивал долго, но всё ж доказал
Закон сохранения энергии вечный.
Секреты науки он нам показал,
Чтоб свет нам давала она бесконечно...
И долго будут вспоминать его дела и оды
Планеты нашей благодарные народы!

Аббревиатура мечты

Посвящается Побиску Георгиевичу Кузнецову

Профессор ты в трех ипостасях:
Гранд-доктор философии в Брюсселе,
В Физтехе ты науки классик,
Да и в Дубне не превзойдён доселе...
Систему «СПУТНИК» мощную создал
И в Думе успевал позаседать,
Развитию устойчивому ход задал
И продолжал его успешно развивать.
А имя – эталон родного реализма.
Ведь это: Поколение Октября,
Борцов-Строителей (в мечтаньях) Коммунизма...
И так назвал тебя отец, видать, не зря!
Спокойно спи, наш дорогой Побиск.
Стоит в веках тебе гранитный обелиск!

Великому пророку

Посвящается Константину Эдуардовичу Циолковскому

За десять лет до братьев Райт
Он создал первый моноплан.
Докладывать любому он был рад
По освоению космоса свой план...
Полуглухой (и как бы вроде тронут),
Идеи множа, создавал проекты.
Призрев несчастий горький омут,
Он ставил новые эксперименты...
Ракеты (уж который год и век!)
Китайцы, русские иль немцы
Пускали лишь как фейерверк,
Веселия хмельного иждивенцы...
Как с большей пользой запустить ракету,
Решал, пока был гений жив, задачу эту!

Пример неистовой любви

Посвящается Льву Семеновичу Понтрягину

Подростком зренье потерял – несчастный случай.
Казалось бы, пасть духом должен он.
Однако как недуг его ни мучил,
Он с юных лет в науку был влюблен...
Фундаментальные законы открывал
И оптимум везде при этом находил...
И замирал в безмолвном ожиданье зал,
Когда на кафедру, как зрячий, он входил.
Доклад закончен по теории вариаций,
И зал взорвался от восторженных оваций!
Не счесть его заслуг и премий...
Почетным членом избран он
Международных обществ, академий...
И в Книгу Мужества навечно занесён!

Вперед к устойчивому развитию!

Посвящается Борису Евгеньевичу Большакову

Руководит научной школой
Побиска Кузнецова верный ученик.
Он удивляет нас открытиями снова,
Ибо к научному застою не привык.
Он элегантен и одет опрятно.
И кафедрой руководит умело.
О ноосфере он рассказ ведёт занятный —
Идет к развитию устойчивому смело!
Он борется упорно с энтропией,
Уверенно всегда идёт вперед.
А его облик обаятельный, любимый
Ученикам своим тон задает...
Научной русской школы он боец,
А посему науки он активнейший творец!

Судьба

Посвящается Борису Васильевичу Болотову

Вот наступили безысходность и боязнь,
Крутое время бедности и мук.
Они нас точат, как древесный жук;
Да плюс ещё и самоедства казнь.
Ты пребываешь в ожиданье новой доли,
Но говорят, что выход есть всегда...
Однако согласитесь, жаль до боли,
Что так проходят лучшие года!
Все атрибуты подлинного счастья
Ты неустанно повторяешь вновь:
Здоровье плюс деньги, друзья и любовь...
Но вместо счастья (вот беда!)
Грядут-бредут напасти иногда;
И сердце разрывается на части...

Окутанный тайной

Посвящается Ивану Андреевичу Крылову

Он не любил рассказов о себе.
Точней – был внешне равнодушен.
И знал, к какой приговорён судьбе —
Охранкой царской должен быть задушен...
Уже при жизни его слава
Легко переходила все границы:
Его читали немцы, скандинавы;
Американцы, итальянцы, филиппинцы...
И вымысел, и сказка, и легенда,
Как ширма, помогали баснописцу —
Ведь байки, пущенные кем-то,
Щиту подобно защищают лица...
Так мудрость гениального писателя
Продлила басням жизнь и их создателю!

Крестьянский лирик

Посвящается Сергею Александровичу Есенину

Сережа! Твой талант поистине огромен!
А биография твоя – твои стихи.
Сомнений и переживаний скорбный воин
Ты выстоял, как ни были они лихи!
Крестьянским сыном называли все тебя.
И ты писал о дружбе, о природе...
Простые люди, пламенно тебя любя,
Искали уважения к тебе во всем народе.
Любил, как мог, ты все живое:
Немало строк ты посвятил зверью...
Частушки собирал, и тем усилил вдвое
Лирично-страстную поэзию свою.
Социализм считал мужицким раем
И восторгался пламенно России чудным краем...

Трибун революции

Посвящается Владимиру Владимировичу Маяковскому

Родился он в глухом селе Багдады
На берегу веселой горной речки.
Отец-лесник не ждал судьбы награды.
Лишь поднял он бокал под дружеские речи.
Не знал лесник, что ждет его Володю...
Что сын прославит Маяковских на века,
Когда трибуном станет не в угоду моде...
Судьба поэта ох как не легка!
Ведь необычен был его репертуар —
Он был певцом Октябрьского строя.
Не мог он вынести литературных свар,
Уколов ханжески настроенного роя.
Он был певцом народной революции
И ждал свершенья социальной эволюции.

Певец природы и быта

Посвящается Исааку Эммануиловичу Бабелю

С подачи Горького Максима
Писатель самобытный родился.
Чтоб миг удачи не проехал мимо,
Под оком мэтра шла работа вся.
Как Горький, ушёл в люди Исаак;
И поменял он множество профессий.
А вскоре знал он точно, как
Живут казаки и работники концессий...
Активно революцию душа встречала:
Политработник, Конной Армии боец...
Певец природы и стихийного начала
Он также знал, и где его конец.
Язык цветист и ярок, лаконичен, точен.
А персонажей образ – идеален иль порочен...

Апологет стихийного начала

Посвящается Михаилу Юрьевичу Лермонтову

После войны двенадцатого года
Москва в строительство погружена.
И в знак победы, видно, русского народа
Чудо-фигура Лермонтова Миши рождена...
И море, и небо – родные стихии
Качали Мишу спящего блаженно.
И впитывал мальчик порывы лихие,
Рождалось его вдохновенье...
Он прожил очень-очень мало.
И нам обидно за его судьбу!
Но он оставил урожай нам небывалый,
Прославив на века свою страну.
Пытливо он любил за небом наблюдать,
Чтоб с музой гениальные стихи рождать!

Смелость дерзания

Посвящается Николаю Васильевичу Гоголю

Он, комик, честно служил смеху —
Гиперболы мастер и синекдохи.
Гротеском варьировал нам на потеху,
Причем до последнего самого вздоха...
Он автор «Ревизора», «Мёртвых душ» —
Литературно созданных изобретений.
Пером сатиры просветлял любую глушь
(Здесь нет других, наверно, мнений).
Как ниспадает с высших сфер он к низшим?
Как заставляет нас смеяться до упаду?
И как прекрасно снова это вышло!
Какую сердцу нашему дало усладу!
Чудесной силой своего таланта
Он подарил нам массу шедевральных вариантов...

Буревестнику

Посвящается Алексею Максимовичу Горькому

Твой псевдоним был выбран не случайно —
Романтика бесплодные мечты
Разбились быстро, вызвав крик отчаяния,
Похоронив всё то, что так лелеял ты...
Ты в девятнадцать лет
Сводил уж с жизнью счеты...
От психиатра получил совет
Как жить, отбросив лишние заботы.
Совет касался женской ласки,
Необходимой каждому мужчине.
Старался ты не предавать огласке
Свои амурные дела (по уважительной причине).
Несчастий, горестей и бед подняв пласты,
Ты мастерски создал литературные холсты!

Непревзойденный

Посвящается Льву Николаевичу Толстому

Ты в двадцать лет остепенился —
Служить поехал офицером на Кавказ,
Там первый твой роман родился
И издавался очень много раз...
Богатым стал и знаменитым —
Отцом счастливым аж тринадцати детей.
Однако чувствовал себя совсем разбитым,
Пока религии не отдал жизни всей...
В литературе ты достиг таких высот,
Что стал известен всем на свете.
И в благодарной памяти народ
Будет в веках хранить шедевры эти!
Ты призывал людей принять обет безбрачья.
Однако для тебя такой совет немного значил...

Многострадальный гений

Посвящается Федору Михайловичу Достоевскому

Невысокий, неуклюжий, нервный,
Ты повредил в припадке глаз.
Отец имел характер дюже скверный —
Убит крестьянами был как-то раз...
Оставил ты карьеру инженера,
Дабы писателем свободным стать.
И вряд ли думала об эдакой карьере
Твоя усталая чахоточная мать...
Но после первого успешного романа
Ты в заговоре вдруг был обвинен.
А из-за псевдотеррористского дурмана
В неполных тридцать должен быть казнен...
Но Боже спас тебя, видать, себе в угоду,
На радость также православному народу!

Глашатай справедливости

Посвящается Михаилу Евграфовичу Салтыкову-Щедрину

Пытливый и талантливый сатирик,
В обыденном он видел жизни зло.
Фольклора русского эмпирик
Мечтал, чтоб семя радости взошло.
На смену крепостному праву
Капитализма признаки пришли...
И многие, отбросив образ жизни здравый,
По хищности всех предков превзошли.
С самодержавием сражался беспощадно,
А также с рабьей психологией служак;
С насильем, грубостью площадной...
Не счесть количества его лихих атак.
Он равнодушие к добру и злу клеймил
И не жалел на это ни здоровья, ни сил!

Хорош во всех жанрах

Посвящается Сергею Владимировичу Михалкову

Мальчишкой бережно хранил свои стихи
С ножом перочинным в чехле и рогаткой.
И хоть подростка дни обычно нележки,
Он в десять обладал уже поэта хваткой.
Позднее стал писать стихи и сказки,
Сценарии кино, сатиру, прозу...
И слушал Маршака, Фадеева подсказки,
Но не вставал ни разу перед ними в позу!
А став писателем заслуженным, маститым,
Под детский гвалт и взрослые овации
(Его таланты от народа не были сокрыты)
Он молодым давал уже свои рекомендации,
Как интересно написать про дядю Стёпу,
Чтобы читали в Азии, Америке, Европе...

Ностальгия его сердца

Посвящается Ивану Алексеевичу Бунину

Он бережно пронес любовь к России
Чрез всю свою большую жизнь.
Происхождения элитного его мессия
Отвергла ненавистный большевизм...
Поэт, прозаик, первоклассный переводчик,
Он жанры все довел до совершенства,
Испытывая, между тем, блаженство
Уж от того, что жизнь не ставит точек...
Ибо трагедия семнадцатого года,
Был убежден, не может длиться вечно.
Мечтал поднять бокал он за свободу —
Душой за русских он болел сердечно.
Отмечен нобелевкой тяжкий труд.
Признанья и любви его работы ждут...

В ожидании реинкарнации

Посвящается Александру Сергеевичу Пушкину

О, несравненный русский гений наш!
Ты есть величина гигантского размера...
Урок словесности потомкам преподашь
Во славу нашей православной веры!
За двадцать лет ты сделал столько,
Что двести лет переварить не можем...
Таланта дивного прекрасные осколки
Вошли в сердца людей, их вдохновенье множа.
Пройдут ещё года, пройдут тысячелетья,
Но образ твой сверкать будет всегда.
И в мирные года, и в годы лихолетья
Твой вклад народы не забудут никогда.
Надежду сохраним, что ты придёшь опять,
Чтобы на подвиги поэтов вдохновлять!

Душевному и простому

Посвящается Василию Макаровичу Шукшину

Когда о Шукшине мы говорим,
Его портрет – картина очень ясная...
Ведь это он на радость людям сотворил
Душевный фильм «Калина красная».
Киноартист, писатель, режиссёр...
Он и наставником был нашей молодежи.
Но всё же главное: Шукшин – актер,
А кинороль его и в жизни нам поможет!
С женой играл он вместе (и не раз)
Правдиво, весело и интересно.
И слёзы капали из наших глаз,
Когда он пел блатную песню...
Нам подарить успел Василь Макарыч
Киношку днём, а книжку – на ночь!

Американец, русский и француз в одном лице

Посвящается Владимиру Владимировичу Набокову

Красивый, ласковый и добрый,
Чрезмерно, правда, эмоционален.
Бывал, однако, он и скорбным —
Тоской по Родине внезапно опечален.
А голова его глаголет по-английски.
По-русски нежно сердце говорит.
И по-французски ухо слышит после виски,
Но после водки только существо его творит.
Этюды шахматные составлял умело.
Большую бабочек коллекцию имел.
Работал он самоотверженно и смело.
Супруге изменить ни разу не посмел.
Безумно бабочек любил ловить
И с персонажами беззвучно говорить.

Ценитель красоты

Посвящается Александру Глебовичу Невзорову

Кого большие габариты оглушают,
А кто не в силах скрыть от них восторга...
Один за пышку бочку пива осушает.
Другой – готов врагу отдать уж чрез минуту торга.
Но дамы шарм отнюдь не в габаритах.
Ведь призвано лицо мужчину привлекать.
За честь красотки он согласен быть побитым.
И многое он ей готов прощать...
Важна гармония лица и тела.
А также ум и вкус её партнера.
Чтоб по уши влюбиться захотела
И приняла б в объятия его без мук и рева.
Ценить любую красоту, однако, мы должны уметь
И, восторгаясь ею, красе гимны петь!

Трагическая ошибка

Посвящается Николаю Степановичу Гумилеву

На фронте храбростью и доблестью блистал
(Ушёл он добровольцем на войну).
Георгиевским кавалером дважды стал
И даже чуть не побывал в плену.
Он акмеистов клуб возглавил —
Стиха он стиль и форму защищал.
И «Цех поэтов» к ясности направил —
Реальность жизни он в стихах вещал.
Он монархистом не был никогда...
Пел тихо всё же «Боже, царя храни».
Перед расстрелом весел, как всегда —
Он не дожил до утренней зари...
Пересмотрели дело через семь десятков лет,
Но он давно ушел в небесный лазарет!

Озорница

– Видать, ты с дамочками не был смел —
Лишь с курицею только грех имел, —
Сказала юная мадам,
Пухла которая не по годам.
– Ложись-ка поперёк на ляжку.
Тебя отшлёпаю с оттяжкой,
Слегка грудями придушу,
Сломаю нос, в утиль спишу...
Мораль сей басенки проста —
Коль дамочка весьма толста,
И ты не хочешь быть побитым,
Не льстись на дамы габариты —
Старайся сердца жар отдать
Лишь той, с которой сможешь совладать!

Идиллия

Тучные бёдра в тонком капроне.
Они устрашают иль радуют взор.
Кто к ним летит во весь опор,
А кто, томясь, печально стонет...
Как стан извивается в сладкой истоме!
Но до каких же можно пор
Лелеять брачный договор
И мужичков гонять, супруга кроме?
А партнёр уж еле дышит —
Парализован грудью полной.
Но она и он довольны:
Она легко колышет плоти волны,
А он сопит и, счастьем переполнен,
Уж не боится, что его услышат!

Радость и муки творчества

Посвящается Марине Ивановне Цветаевой

Вдохновенье приходит нечасто.
Так, если по Райкину, лови момент!
Дабы удачно провести эксперимент,
Усилия должны быть не напрасны.
Однако в наши чудо-времена
Чтоб писаниной народ удивить,
За публикацию надо платить,
И чашу творчества тогда вкусишь до дна...
Вот так и получается всегда —
Создал шедевр, но кушать тоже надо.
Когда придёт теперь печатная награда?
Скорей всего, на склоне лет!
Иль с голоду когда уйдёшь в небесный лазарет.
Но виршам после смерти жить да жить года!

Вариации на тему любви

Посвящается Александру Ивановичу Герцену

Однажды скромненький и хиленький пацан
Увидел зрелую и пышную матрону...
Не стал бы он, конечно, отрицать,
Что кванты чувств летели, как патроны...
Кому-то должен был доверить он
Секреты сердца своего, конечно.
Решать обязан был вопрос извечный —
В кого же будет (хоть и временно) влюблён:
«Вот эта тётушка меня согреет
И успокоит лаской и заботой,
О сокровенном, знать, она трепаться не умеет,
В объятия может заключить не без охоты?»
Коль девственность решил утратить,
Точнее выбирай, пацан, кого потрафить...

Триумф и трагедия

Посвящается Ги де Мопассану

О, Франции великой славный сын!
Как много воспевал ты женских тел...
И лишь свободы драгоценный апельсин
Ты, вечный холостяк, отдать не захотел.
Твои произведения потрясают
Умы пытливые, и души, и сердца!
Ребёнком ты переживал уход отца.
Однако матери любовь тебя спасает...
В наследство получил ты страшную болезнь,
Которая свела-таки в могилу!
Как многим были твои строки милы,
Слились которые в божественную песнь...
Но помнят дамы, как ты мог в любой момент
Наполнить силой свой любовный инструмент!

Президент-мученик

Посвящается Джону Фицджеральду Кеннеди

Привык быть первым с детских лет.
Недуги этому мешали сильно.
Природы строго выполнял завет —
Он был всю жизнь любвеобильным.
Опасно было с Джоном оставлять
Любую девушку иль даму тет-а-тет.
Будь то жена, сестра иль даже чья-то мать —
Любой из них он мог послать «интим-привет»...
При жизни Джона его страсти
Сокрыты прочно были для людей.
Однако после – те, кто был у власти,
Откинули покров с его «интим-идей»...
Но самой пламенной из них
Была с Монро – великой страсти стих!

Неаполитанский самородок

Посвящается Энрико Карузо

В трущобах Неаполя вырос Энрико.
Он начал петь в церковном хоре
И стал певцом воистину великим,
Имея голос золотой и обаянья море...
Невысок, довольно даже коренаст;
Усы всегда носил и был подвижен.
На удивленье гибок, как гимнаст;
Куреньем зверским зубы словно выжег...
Поклонницы его сопровождали
На всех концертах по Америке, Европе...
Их заводил Энрико голос в сладостные дали.
Однако сколько денежек Карузо в них ухлопал!
На склоне лет с трудом превозмогал недуги —
Под пятьдесят навечно снизились надбровий дуги...

Дин – это легенда!

Посвящается Джеймсу Дину

Он танцы страстно изучал, скульптуру;
Поэзию любил, а также автогонки...
Он совершенствовал, как мог, свою натуру:
Характер сложный был его и ломкий...
На съёмках был неистовым и страстным.
Противоречий ком раскручивал умело.
Для женщин был всегда опасным —
Он делал мастерски своё мужское дело!
Ходили слухи, Дин, мол, мазохист —
Об его тело тушат сигареты...
И даже, будто, любит плётки свист —
Он часто отдаёт досуг привычке этой!
Джеймс Дин погиб в двадцать четыре.
Однако всё ж успел раскрыться в киномире...

Король Голливуда

Посвящается Кларку Гейблу

Был рыцарем без страха и упрёка
И в «Унесённых ветром» был прекрасен!
Секс-магнетизм его киношного урока
Для женщин был волнующе опасен.
Любая дама, коей подавал он знак,
Была, как правило, на всё готова...
Для Кларка связь – почти всегда пустяк.
Однако дам к нему всегда тянуло снова...
Он был охотником и рыболовом.
Особенно любил стрелять он в уток.
Без напряженья находил он слово,
Чтоб ранить светских львиц иль проституток.
Всех женщин Кларк безумно волновал.
Лишь только труп сразить не смог бы наповал...

Странная романистка

Посвящается Вирджинии Вулф

Ты сама говорила, и даже не раз:
«Я и не женщина и не мужчина»...
Фригидность ты не выставляла напоказ,
Но лишь пред женщинами выгибала спину.
Припадки случались с тобой постоянно.
И редкий год ты обходилась без больницы.
Не все подруги оставались безмянны,
Хоть Вита, Вайолет и Мэдж к тебе тянулись вереницей...
Однако страсть твоя к литературе
Легко преодолела все преграды.
И ты внесла в английскую культуру
И страсть, и жизни шарм, и даже муки ада...
К шестидесяти годам ты приняла решение —
Найти конец пути в речном забвеньи...

Превозмогший себя

Посвящается Джорджу Байрону

Ты в десять лет страдал ужасно —
Нога болит, спасенья вроде нет.
Однако спортом начал заниматься страстно,
Чтобы на все вопросы получить ответ:
Как быстро сбросить лишние кило,
Что делать, чтобы ногу не свело...
Ты много плавал, боксом увлекался.
И, наконец, поэзии всерьёз отдался...
На путешествия и дам часов не было жалко!
И всё-таки права была гадалка —
Ты умер в тридцать шесть от малярии...
Оплакивала тебя точно вся Европа!
И яства на столе твоём остыли —
Картошечка с грудинкой и укропом...

Вариация мечты

Посвящается Дженис Джоплин

Ты стоишь спокойно (в силе!),
Мощная и славная Рябина...
Голову чуть-чуть склонила
(Больше шея не пустила)...
Трудно мне, поверь, Рябине
Дуб найти себе по нраву —
Чтоб опорой всегда был мне,
Не сломавшись (жалко будет, право!).
Я к тебе, родной, стремлюся
Всеми фибрами моей души.
Больше смерти я боюсь,
Ласки будут слишком хороши.
Рассчитать смогу ли свою силу я?
Чтоб не смять тебя, усиленно любя!

Любимец Америки

Посвящается Бенджамину Франклину

Ты был десятым из семнадцати детей
Бостонского простого мыловара.
Печатник, клерк, почтарь округи всей,
Ты стал Америки послом – носитель славы.
И женщины не раз тебя спасли,
Любимца философии Платона...
А репутация и состояние росли
В стенах Филадельфии и Бостона.
Ты солнечные ванны на балконе принимал.
И обнажён был, как Адам пред Евой.
Когда же секс-советы раздавал,
То воспевал отнюдь не молодую королеву.
Людское море провожало тебя в последний земной путь.
И слёзы очи застилали, мешая на тебя взглянуть...

Жизнь в борьбе

Посвящается Карлу Марксу

Потомок поколения раввинов, он крещён
Шести лет от роду в евангелической церквушке.
Однако позже был раскрепощён,
Освободившись от религии – людской ловушки...
Был изгнан после ряда публикаций
Он из Парижа, Кёльна и Брюсселя,
Не ожидая похвалы, оваций
И в Лондоне, где справил новоселье.
За смуглость Мавром прозван был,
А бородой он походил на Зевса.
И мифом этим путь свой освятил,
Но лишь в мученьях жизнь проходит вся...
Больным и желчным в конце жизни стал.
Однако всё же завершил свой «Капитал»!

Великая

Посвящается Екатерине Великой

Смешалось всё в персоне страстной этой:
Пытливый ум и сластолюбия порок,
Великие дела, любовников приветы —
За длительный правления Россией срок
Политик тонкий и она же литератор
Меняла фаворитов аж тринадцать раз!
Прославившись как неплохой оратор,
В свет выносила море кружев напоказ...
А в шестьдесят любовью воспылала
К совсем младому Зубову Платону.
И поцелуями гвардейца осыпала,
И до конца верна была любви закону...
Непросто было этакой лихой натуре
Порядок наводить в стране и развивать культуру!

Джазовый виртуоз

Посвящается Эдварду Кеннеди (Дюку) Эллингтону

Дюк – герцог (перевод с английского),
Такую кличку заработал как-то он,
Когда, как денди, в окруженье близких
В одежды щёголя был вечно наряжён.
Сначала увлечён был рисованием.
Затем рэг-тайма признан виртуозом —
Ночные клубы одарил вниманьем,
А публика ему в ответ бросала розы...
Мерсер, сын Дюка, скажет об отце,
Узнав об его раком вызванном конце:
«Пошёл отец и в шоу, видно, потому,
Что стоит сесть ему за пианино,
Десятки, сотни глаз уж улыбаются ему,
Казалось бы, без видимой причины»...

Любимица молодёжи

Посвящается Этель Лилиан Войнич

Дочь Джона Буля, математика английского,
Революционера польского жена.
Плеханова и Энгельса знавала близко —
Знакомствами вся жизнь напряжена...
Ах, кто ж не знает книгу «Овод»?
В особенном восторге молодёжь!
Она всегда давала и даёт нам повод
Порассуждать, где правда, а где ложь...
Какие взять в резерв нам идеалы?
К чему стремиться в жизни нашей?
Какие разобрать нам ханжества завалы?
Чтоб стала жизнь привольнее и краше!
Все фильмы, оперы, спектакли
Не зря по «Оводу» поставлены, не так ли?...

Популяризатор науки

Посвящается Клименту Аркадьевичу Тимирязеву

Характером колючий, даже желчный,
К тому же угловат, нетерпелив...
Он в то же время был сердечен,
Да и отходчив, как морской прилив...
Науку излагал спокойно, объективно.
Однако популярную литературу
Писал живей и более активно,
Чтобы привить читателю культуру,
Богатства языка достичь и стиля,
К тому ж характера и полноты задачи,
И чтобы эти книги несомненно были
Лишь с полной авторской отдачей.
Паразитическую жизнь он презирал
И потому он часто создавал искусственный аврал!

На стыке

Посвящается Араму Ильичу Хачатуряну

Лишь в двадцать лет ты приобщился
К музыке, начал бодро сочинять.
Талант не сразу проявился —
Пришлось музграмоту с азов начать...
Репертуар твой – перекрестье Запада с Востоком.
Равнин и гор ты собирал фольклор.
И строго видел музыкальным оком
В народе и напевность и задор...
Твой «Танец с саблями» уже вошёл
В историю, как музыкальный бестселлер.
И час твой звёздный с ним пришёл —
Ты дал самородка отличный пример.
Как генератор в проводах воссоздаёт течение тока,
Ты неустанно совмещал культуру западных течений и Востока!

Блистательный преемник

Посвящается Джеймсу Клерку Максвеллу

Любил частенько Джимми повторять,
Что добрые и мудрые родители
(Какими были и отец его, и мать)
Создали почву творческой обители —
Той, о которой можно лишь мечтать!
Джеймс принял эстафету Фарадея —
Открытья Майкла он большой сторонник.
Добавил быстро он к нему свои идеи;
Он прогрессивного всего сторонник!
Джеймс ни минуты не сидел без дела.
И результат не мог не проявиться —
Он вывел «Уравнения...» свои (то бишь, Максвелла) —
За хвост поймал он счастья птицу,
Причём так ловко, что весь мир дивится!

Любимец века

Посвящается Юрию Васильевичу Кулычёву

Всегда он весел, и кипуч,
И остроумен, и подвижен...
Он смело раздвигает буден тучи
И не бывает бедами унижен.
Спортсменом он остался вечным.
И женщин уважает очень...
Однако он бывает и беспечным,
Но естеством мужским он неизменно прочен...
Он многоопытный издатель,
И хобби у него всегда хватает.
Он – анекдотных умников создатель —
Искусно бреши в их судьбе латает.
Так с юмором простого человека
Он стал любимцем нынешнего века!

Чёрная жемчужина

Посвящается Жозефине Бейкер

Для танцовщицы, парижанки чернокожей,
Чарльстон блестяще исполнявшей
И публику (тем паче!) покорявшей,
Путь к славе оказался весьма сложным:
С мытья полов и стирки начинала
Свою карьеру негритянка Жозефин.
Но оборудовав затем театр в подвале,
Всё меньше там встречала кислых мин!
Одеждой был лишь из бананов пояс,
Да ожерелье подарил ей арабийский шейх...
А её чудный, сильный грудной голос
Вдруг слёзы вызывал иль смех...
Одиннадцать детей усыновила,
Продемонстрировав любовь свою и силу!

Книжный червяк

Посвящается Николаю Александровичу Рубакину

Он жил в Швейцарии аж сорок лет!
И там дружил с Ромен Ролланом.
А в разные года кого там только нет —
Руссо, Плеханов, Чаплин, без обмана!
Книг собрано аж двести тридцать тысяч!
И написал своих – три сотни штук...
В очередной статье успел кого-то высечь,
А может, и помочь кому в познании наук?..
На личном книжном экслибрисе
Он выводил свой чёткий бисер:
«Могучее оружие есть книга
В борьбе за истину и справедливость...
Возможно, тайное за долю мига
Откроется, чтоб уничтожить в мире лживость!...

Каучук из нефти

Посвящается Борису Васильевичу Бызову

Специалист по каучуку и резине,
Борис Васильич – славный пионер
Синтеза каучука на дивиниле
Из нефти добытого, например.
Мы получили тысячи товаров
Из нефтяного благодатного сырья,
Но только Бызов каучук сварганил,
Науку химию отчаянно любя!
Спасибо вам, наш дорогой учёный,
От ребяташек, от мужчин и дам
За каучук, прекрасно пропечённый
И заменивший их подошев хлам...
Вот так наш русский химик Бызов
Всем иностранцам бросил смелый вызов!

Певец неразделённой любви

Посвящается Иоганну Вольфгангу Гёте

Искусство, музыку, литературу ты превосходно понимал.
Шесть языков знал, словно свой немецкий...
Роман о Вертере был необычно мал.
Однако Гёте стал теперь кумиром светским...
Ты в Веймаре вершил свои шедевры.
Руководил театром и наукой увлекался.
А после сорока пошли любовные маневры.
И дамам многим верен ты остался...
Шарлотте тыши писем посвятил,
А Кристиан спасла аж от расстрела...
И свет вдруг весьма сильно удивил,
Когда ты сделал предложенье смело
Ульрике (не было дочурке двадцати),
А у тебя и в семьдесят все чувства начали цвести...

Катализатор нашего века

Посвящается Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу

Ах, Шостакович, классик века нашего!
Он тесно связан с судьбами страны.
Он творчеством своим противоречья сглаживал.
И делал всё, чтоб больше не было войны...
Работал вдохновенно во всех жанрах:
Он автор публикой любимых песен,
Симфониями всему миру стал известен!
Он пишет музыку театра и кино...
А если чувствовал – разнос готовится в печати,
То завершал свою работу всё равно!
Внося и новизну, и вдохновения зачатые...
Поистине он заработал мировую славу —
Талант его скрепил истории печатью
Морально-музыкальный дух державы!

Король динамики и кинематики

Посвящается Ивану Ивановичу Артоболевскому

Артоболевский – это целая эпоха
В теории машин и механизмов!
И как бы ни было народу плохо
Под знаменем очередного «-изма»,
Но техника всегда идёт вперёд...
Она нам создаёт удобства.
Притом она дисциплинирует народ,
Способствуя в науке его росту!
Иван Иваныч первый написал
По механизмам самым разным монографию.
Учёных и студентов он спасал —
Давал возможность им улучшить биографию!
Динамику своих машин он изучал,
И как бы «душу» тем машинам очищал...

Юношеский обет

Посвящается Мохандасу Ганди

Женился Ганди аж в тринадцать лет,
А в восемнадцать уже дал обет:
Вино, коньяк совсем не пить,
На женщин не смотреть...
По этим заповедям жить —
Весь век аскета жизнь терпеть.
При этом мяса в рот не брать
И чтить покойного отца и мать...
С владычеством Британии боролся —
Рецепты дал пассивного сопротивления.
На гнев и злобу сразу напоролся,
Но сверг народ колониальное правленье!
Младыми девами себя он окружил —
Лишь любовался ими – этим жил...

Покоритель времени

Посвящается Альберту Эйнштейну

Ты в школе не имел успеха
И потому немало слёз пролил,
К тому же было не до смеха,
Как в академию не сразу поступил...
Однако всё же ты её закончил!
Работал далее в бюро патентов,
А в двадцать пять свою позицию упрочил,
Став доктором, когда провёл эксперименты...
И наконец, бесценная теория твоя
Открыла к звёздам путь и покорила время —
В научных центрах, чудеса творя,
Звучала гордо относительности тема.
Подруге жизни за заботу и вниманье
Ты отдавал взамен тепло и пониманье...

Человек слова и дела

Посвящается Дуайту Эйзенхауэру

Отец, рабочий на молочной ферме,
Не мог мечтать ни явно, ни во сне,
Что сына, Айка, силы, мозг и нервы
Позволят президентом стать в его стране!
Пока служил, Айк колесил по свету
(По США, по Филиппинам и Панаме) —
Нигде покоя и отдохновенья нету:
Нет ни в семье, ни в войсковом бедламе.
Был избран курс консерватизма,
И проводил его, пока был президентом.
Он в гольф играл до фанатизма —
Сердечный приступ стал последним тайм-моментом.
В войну командовал союзными войсками.
Дуайта (Айка) образ будет долго с нами...

Богатый, знаменитый и любимый

Посвящается Ференцу Листу

Он сын слуги венгерского вельможи.
Своим талантом покори́л аристократов.
Казалось, что в музыке он всё может...
И в мире этом жил всегда без адвокатов.
Исколесил маэстро, кажется, весь свет:
И в Португалии бывал он, и в России...
Директором театра став всеильным,
Он молодёжи помогал, забыв о слове «нет».
Аббатом был он Римской церкви в Риме.
И дирижировал затем он в Будапеште, Вене...
Добился в жизни славной перемены —
Богатым стал, известным во всём мире!
Закончил путь в Байройте он (в Германии).
Имел всю жизнь к благотворительности манию.

Борьба за выживание

Посвящается Жоржу Бизе

Недолго, к сожалению, прожил Жорж Бизе.
Всю жизнь он отдал музыкальному театру.
В четыре года музыку писал уже
Он на природе, дома, на Монмартре...
А в десять был уж пианистом-виртуозом.
И вскоре оперу уверенно кончал...
Контракты первые он с мамой заключал,
Замучив кучеров лихим извозом...
Шли годы... Вот завершена «Кармен».
Он думал, что опять идёт к успеху.
Душа его искала ярких перемен —
Устал писать он только на потеху...
Но вот «Кармен» в театре с треском провалили!
И этим гения последних сил лишили...

Химик и лекарь

*Посвящается Филиппу Ауреолу Теофрасту Бомпосту фон
Гогенгейну Парацельсу*

Фамилия твоя необычайно длинна —
Филипп... плюс Теофраст... фон Гогенгейм...
И в этом, видно, химия твоя повинна,
Где предложил ты множество идей.
Эпохи Возрождения «профессор первый
От сотворенья мира» (Герцен утверждал),
Ты наблюдал и ставил опыт правомерно —
Искал упорно золотой металл...
В лекарствах находил ты дозировку,
Сближая химию и медицину...
И, проявив при том прекрасную сноровку,
Не гнул ни перед кем ты спину...
Духовных высших принципов искатель —
Ты был всегда материализма почитатель...

Скрипач от Бога

Посвящается Никколо Паганини

Италии любимец и Европы всей,
Никколо обожал прекрасных женщин
(Особо бюст – «лукошко царственных персей»)
И ожидал всегда, что сон ему предскажет вещей...
Он внешностью своей сводил с ума
Легко пылких брюнеток и блондинок,
И добивался всё же, чтоб сама
Дала избранница ему душевный снимок...
По трём критериям он женщин отбирал:
Была бы чтоб большая грудь и талья тонкая,
По стройным ножкам также обмирал...
Сим дамам гимны пела скрипка звонко!
Он виртуозно исполнял свои концерты,
Пока болезнь не прервала его души эксперименты...

Это было когда-то...

Посвящается Ролану Анатольевичу Быкову

Это было когда-то довольно давно.
Я был тогда весьма неприхотлив —
Младую пташку нежно полюбив,
Открыл в свою мужскую жизнь окно!
Она учила вдохновенно, как могла...
И мой нескладный корпус хилый
Своей роскошно-мощной плоти силой
В свою упряжку быстро запрягла!
Она была мила, прекрасна и нежна.
Притом знавала всякий инструмент...
Но повторяла часто, улучив момент,
Причём постоянно, не раз и не два,
Такой любовной азбуки слова:
«Мне важен не размер, а техника важна!»

Радость творчества

Посвящается Александру Порфирьевичу Бородину

Стоит в его квартире фортепьяно,
А по соседству – баночки, реторты...
Лишь только химии он отдавался рьяно,
А чуть позднее уже брал новые аккорды...
К тому же он и критик, педагог,
В литературе есть своя дорога...
И без общественной работы жить не мог —
На музыку осталось времени совсем немного.
Играл на флейте и виолончели.
И русский эпос оперный он создавал.
Трудом раскачивал судьбы качели,
Чтобы устроить музыкальный карнавал.
Как химик точно он известность получил,
Однако музыкальной славой закрепил!

Добрый и мудрый

Посвящается Фридриху Энгельсу

Ах, Фридрих! Добрый ты без меры!
Всегда ты Карлу помогал, как мог.
И коммерсантом был примерным,
И в жизни тяготы все превозмог...
Но если б всё же денег ты не дал
Соратнику и другу в нужный час,
Мир не читал бы Маркса «Капитал»
Ни в первый, ни в последний раз...
Готов отбросить был почти любые «-измы» —
Громил их в спорах, оставаясь на плаву.
Однако светлый луч социализма
Ты видел с Мавром лишь во сне, не наяву!
Но Ленин всё же воплотил идею эту
На шестой части всей земной планеты!

Верный друг в скорби и радости

Посвящается Людвигу ван Бетховену

Лишь вундеркиндом жаждал видеть
Людвига горький пьяница-отец.
Готов был он тогда уже предвидеть,
Что сын наденет Моцарта венец.
Был признан Людвиг гением при жизни,
Глухой маэстро ван Бетховен.
Служил он праведно Отчизне;
Был одинок, немногословен...
Он – пионер концертов в больших залах
И даже в полутьме подвалов —
Создатель симфонических оркестров,
Сменивший камерных мужей с «а-ля барокко».
А чудо-музыка великого маэстро
Победно льётся из раскрытых окон!..

Анархист-счастливец

Посвящается Петру Алексеевичу Кропоткину

Писатель, путешественник, географ...
Он – основатель «безсистемного движенья».
Мечтал давным-давно создать фонограф,
Однако только анархизма изобрёл явление:
«Свободные сообщества народов
Должны отринуть власть Монархии и Думы!
И лишь расправив плечи от церковных сводов,
Делам свободным будут предаваться и раздумьям...»
Всю жизнь считал себя счастливым человеком,
Жена моложе на пятнадцать лет,
А прошагал он с ней почти полвека,
И выполнить могла она его любой совет...
Хоть жизни путь был и не слишком долог,
Друзьями был ценим как человек и идеолог!

Доктор занимательных наук

Посвящается Якову Исидоровичу Перельману

Он страстно был влюблён в науку,
Безумно также он любил детей,
И так набил на книжках руку,
Что мог писать о сложном без затей.
Доступны каждому почти его труды
По физике иль даже математике —
Полжизни и тонны полезной руды
Отдал он популярной проблематике.
Один из тех, кто в своём веке,
Переосмыслив множество наук,
Создал из книг своих библиотеку...
И не найти теперь в ученье лучших слуг —
По этим книжкам все науки изучают
И Перельмана добрым словом вспоминают.

Борец за справедливость

Посвящается Мао Цзэдуну

Он сохранил крестьянские привычки
Аж до последних своих дней.
Добился с массами он полной смычки —
Цель коммунизма так была видней!
К еде неприхотлив и не любил обнов —
Ходил всегда в простой одежде.
Курил почти до черноты зубов
Генсек Цзэдун, совсем как прежде...
Писателем отменным Мао был!
И каждодневно изучал литературу.
Оратора искусство, правда, подзабыл,
Но повышал всегда свою культуру!
Официально был женат четыре раза,
Давая равные права жене почти что сразу...

Ответный рык!

*Посвящается Андрею Михайловичу Данилко
(Верке Сердючке)*

Жизнь течёт (или бежит)
И не шатко, и не валко...
Знаю, что и где лежит —
Я давно работаю на свалке.
А на свалку всё несут:
Кружки, банки, пылесосы...
И несущим всю эту красу
Задаю обычные вопросы:
«Почему вы не пытались
Цикл вещей продлить рабочий?
Так легко с ними расстались,
С вещами, годными ещё
в хозяйстве, впрочем?»
«Отзынь с вопросами, старик!» —
Услышал я ответный рык.

Сердечное признание

Посвящается Жоресу Ивановичу Алфёрову

Ты – гений, хоть не хочешь нам признаться.
Да, это осознать совсем не просто —
Ты в славе не привык особенно купаться,
Хотя в науке ты весьма большого роста!
Тобою создано немало школ,
А направлений – так не счесть...
Когда садились мы за стол,
Ты не терпел ни спесь, ни лесть.
Бокал шампанского поднимем
И медленно, но без труда
Мы камни из-за пазух вынем,
Чтоб больше их не класть туда...
И каждый камень вдруг заветным стал —
Ведь он пойдёт ему на пьедестал!

Микро- и макрожизни человеческие

Посвящается Николаю Викторовичу Баскову

Во сне услышал как-то звучно,
Что жизнь разделена на два этапа.
Возможно, слушать это несподручно —
Напоминает как бы бредни с храпом:
Жизнь «микро-» видим мы во сне,
Ведь в сновиденьях тоже мы живём?
Во сне мы думаем, наверно, как и вне.
А разница лишь в том, что не поём...
Жизнь «макро-» – выход в вечное пространство,
Как только выполним всё на земле,
Преодолев невзгоды и мирское чванство.
Там будет легче, дорогой, тебе и мне!
Так, словно зимушка передаёт весне
Последний холод с капелькой жеманства...

Всему своё время

Посвящается Анне Семенович

Ну кто подумать мог, о люди,
Что у молодых толстух такие груди?
Такие бёдра и такой живот,
Прославить кои нам не хватит од!
Да, пышки и ядрёны, и лукавы;
Не ждут ни похвалы, ни славы...
Бывают, правда, и беспечны,
Легко любовников меняя —
Ведь жизнь ярка, но быстротечна...
Критически на них взирая,
Всевышний задал им урок —
Влюблялись чтоб в короткий срок...
Ибо в дальнейшем нужно попотеть,
Чтобы толстуху ту по-модному одеть!

Ласка, юмор – это Божий дар!

Посвящается Владимиру Натановичу Винокуру

Я часто был подвержен стрессам
И в ситуации лихие попадал.
Но дабы чашу горестей мне перевесить,
Я предпочтенье юмору отдал.
И избавление от бед от всех,
Как лучший и надёжный лекарь,
Даёт нам даже беспричинный смех —
Спасёт он и банкрота, и калеку...
Смех, мне поверьте, – мощное оружие,
Которым пользуются не всегда умело.
Он нам всегда как воздух нужен,
Когда берёмся за ответственное дело.
Ведь ласка, юмор – это Божий дар.
От бед он лучше избавляет, чем нектар!

Опять эти конкурсы!

Посвящается Дине Дурбин

Мы ждём от конкурсов больших эмоций,
Чтоб пела и цвела душа!
И чтобы опытный либидо лоцман
Мог подводить итоги не спеша...
Ведь каждый лелеет лишь свой идеал!
И несравненной даме сердца
Готов воздвигнуть памятный мемориал
И проглотить при неудаче горечь перца.
Так в чём причина неудачи?
А в том, что ростиком не вышла
И плечи разработала на даче,
Да, тело оказалось дюже пышным...
Но гордо входит в двадцать первый век
Отнюдь не хилохудосочный человек!

Одна из её ролей

Посвящается Наталии Леонидовне Крачковской

Полицерша Паша поднялась по службе.
А в магазинах ропот пошёл...
Блюдёт она работу хорошо
В полиции налоговой – семейке дружной.
Дело в том, что тётя Паша
Суть безумно даже полная,
Ласковая, дюже скромная...
Вышибала и громила наша!
И коли от кого услышит,
Что озорник деньгу налога утаил,
Она, не тратя слишком много сил,
Его легонечко бочком придавит,
То бишь фигурку немного поправит...
А посему начальство к ней неровно дышит!

Прощание с наукой

Посвящается Владимиру Борисовичу Храпову

Как редко ценим мы, друзья,
Беспечно прожитые нами годы!
Забыв, что бег годам остановить нельзя —
Почти как изменить превратности погоды.
Тебе под сорок – бодр ты и здоров.
Ты полон сил, и жаловаться рано.
А в пятьдесят – позвал уж докторов,
Чтоб залечить открывшиеся раны.
Ты в сорок был беспечен, как дитя,
Но цели ставил всё ж не рядовые.
Ты шёл к ним вроде как шутя
И степень получил-таки впервые!
А в пятьдесят – профессором ты стал,
Как вдруг разрушился твой хрупкий пьедестал...

Лучшему другу

Посвящается Сэму Добренко

Коль цели ставишь, ставь пока одну,
Отметя при том соблазнов кучу —
Вариантов разных лес дремучий...
Начнёшь расплыться, пойдёшь ты ко дну!
Правда, могут возразить мне:
«Смена дела – отдых лучший;
Слишком, мол, себя не мучай
И не чурайся подсказок извне».
Что расплытие смерти подобно —
Давно известная нам всем наука...
Зато тебя при том не гложет скука.
Играй, работая и отдыхая...
А впрочем... никого и ничего не хая,
Трудись, любезный, как тебе удобно!

Светлая память Наталии

Посвящается Наталии Васильевне Богуновой

Тяжёлые настали времена —
Идёт раскол и расслоение народа.
И вот уже не месяцы, а годы
Переживает неудачи вся страна.
И беднота кругом, но горсточка богатых
Снимает сливки общего труда.
Проходят день за днём, и, как всегда,
Пенсионеры ждут обещанной доплаты.
Плодятся партии и блоки,
Цветёт преступность пышным цветом!
Не правда ль, горестно всё это?
И может быть, в любой момент
Бандиты проведут эксперимент,
И сразу оборвутся эти строки...

Гидравлика – любовь моя!

Посвящается Степану Титовичу Алтунину

Гидравлика была его стихией.
А хобби было – людям помогать.
Учителями были времена лихие —
Отец дал силу, нежность – мать.
За женщину вступился на работе,
Он спас её от увольнения!
Но, как назло, партком был против —
Проигнорировал Степана мнение.
Из партии партком Степана исключил,
А он Госпремию назло партийцам получил!
Без документов Титыч проходил таможду,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.